

18+

Сергей «Ленин» Выродов

Санитариум

Серый мир в белом халате

Сергей Выродов

**Санитариум. Серый
мир в белом халате**

«Издательские решения»

Выродов С. «.

Санитариум. Серый мир в белом халате / С. «. Выродов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511789-2

Лагерная антиутопия. Человеческое общество управляется врачами, найдя решение всех своих проблем в здоровом образе жизни. Врачи лечат всё и всех, кто под руку попал. Действие разворачивается в закрытом лечебном учреждении для хронических больных, где проходит важный эксперимент по внедрению нового препарата. Медикам, лечащим пациентов, противостоят шайки недовольных лечением больных. На стороне медиков власть и препараты, активно выздоравливающие пациенты. На стороне больных нет ничего. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511789-2

© Выродов С. «.
© Издательские решения

Содержание

Санитариум	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Санитариум Серый мир в белом халате

Сергей «Ленин» Выродов

*Рождённая в глубине режимных лагерей идея им же скромно
посвящается.*

© Сергей «Ленин» Выродов, 2024

ISBN 978-5-0051-1789-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Санитариум

Старший фельдшер четвёртого отделения Девятнадцатого Филиала Управления Южного Округа НИИ Головного Мозга имени Парацельса сидел один в тёмном кабинете. В кабинете был только старый, давно использованный великим множеством предшественников письменный стол, за которым, собственно, и сидел Старший фельдшер, такая же прикроватная тумбочка и пара табуреток. Давно перегоревшая лампочка одиноко висела на проводе.

Он сидел за этим старым, обшарпанным бесконечным множеством своих предшественников, и даже на его нетребовательный взгляд, ими сильно убитым и не подлежащим восстановлению столом, и писал докладную записку, ежедневную, как ему и полагалось по договору, и единственное, что ему мешало, это звук... Да, это был звук музыки, а точнее – песни: «Лимп Бизкит» – проклятая американская группа, которая перепела легендарную песню «Металлики» – «Ох, уж эти несчастные пиндосы, – подумал фельдшер, – «Санитариум»... (он знал и названия групп, и песни, понимал её смысл, почему-то).

Музыка звучала тихо, но достаточно отчётливо, чтобы тренированное ухо фельдшера её уловило. Он не побежал на звук музыки, как предписывало «Положение О Выздоровлении», а остался сидеть и писать докладную. Не побежал он не потому, что бегать не любил, и не потому, что был болен (а он был болен телом), а потому, что давно понял простую больничную истину: поймать будет некого – все уйдут раньше.

Тишину больничного отделения ночью нарушала эта музыка, и, в рот кило анальгина, но Фельдшер отделения, не просто фельдшер (жалкая прислуга уже фактически здорового человека), а сам СТАРШИЙ ФЕЛЬДШЕР ОТДЕЛЕНИЯ – полубог для всех выздоравливающих, – тут был бессилён.

Вообще, фельдшера жили неплохо, и особых проблем у них не было... Но, это по другим отделениям, где хорошо действовал препарат, и удачно проходил весь эксперимент.

Но, нашему, почти выздоровевшему Фельдшеру досталось его родное, куда он три года назад попал как сильно больной, отделение, – самое проблемное из всех, существовавших в данном Филиале им. Парацельса.

Он писал, иногда разрывая шариком ручки бумагу: «Прошу прекратить эксперимент, так как подчинённые мне больные на вводимые им регулярно и в установленных дозах инъекции препарата положительно не реагируют! Лично я в шоке от сложившейся ситуации, и как человек выздоравливающий и готовый вернуться в некогда отторгнувшее меня общество полноценных людей, прошу освободить меня от вероятной клинической ответственности за возможные последствия эксперимента...».

Заведующий Кафедрой парапсихологии Девятнадцатого Филиала НИИ Головного мозга им. Парацельса, сам Витамин Вениаминыч Ширков, читал донесения фельдшеров отделений подчинённого его зоркому врачебному оку Филиала. Донесения были ото всех фельдшеров за день, но он, улыбаясь и подчёркивая своё высокое снисхождение к больным людям, отбрасывал пока в сторону, с отеческой улыбкой, донесения простых фельдшеров, где безумные дети его могли написать что угодно, и вперёд читал только записки Старших. А уж тут было, на что обратить внимание: один больной из пятого отделения сказал, что на следующих выборах Верховного Главврача победит он, а всех остальных кандидатов отправит в наше НИИ.. – «Такого незачем трогать», – подумал Витамин. Вот следующий: больной из первого отделения (отделение твёрдо вставших на путь выздоровления) громогласно заявил другому больному,

что Земля круглая, и на том свете – встретимся! «Такие вещи нельзя всерьёз принять, – подумал Заведующий, – все знают, что Земля плоская, – это же азы Алхимии!»

И он читал все поступившие донесения (а они поступили вообще ото всех и всяких фельдшеров отделений с потрясающей точностью, лютым упорством, завидной нестигаемостью и примерным своевременьем), но взгляд его цепкого, всевидящего глаза опытного врача остановился на четвёртом отделении. . . . Эх. . . . А ведь кроме этого донесения, на четвёртое отделение поступает много нехорошей информации из прочих источников, да и ранее Корытов неоднократно сообщал. . .

По прочтении донесения Старшего фельдшера четвёртого отделения, заведующий стал хмур, отказался от ежедневной дозы препарата, в обязательном порядке и по его же распоряжению предложенного ему здоровой санитаркой, и вызвал Старшего Фельдшера Ординаторской

Старший Фельдшер Ординаторской по нормам «Положения О Выздоровлении», должен был быть здоровым, но в силу тех обстоятельств, что мало кто из здоровых людей хотел калечить свою нормальную психику общением с больными, то и подбирался этот Фельдшер из выздоравливающих. . .

Именно таким и был тот Фельдшер, кого вызвал Заведующий.

– Ты же из четвёртого отделения в Фельдшера пришёл?

– Да

– Почему ты не держишь руку на пульсе, и не докладываешь мне об обстановке в четвёртом отделении?

– Извините, конечно, но в мои обязанности это не входит: я должен следить за тем, чтобы санитары вовремя шли на обход, и при этом ни в чём не нуждались, а также. . . – он не успел закончить свою фразу.

– А я тебя поменяю, к оплодотворённой матери!

– Можно со мной сделать что угодно, но только я отвечаю за выход санитаров на обход отделений, – и ни за что более, кроме. . . .

– А с этого дня ты ещё пристально наблюдаешь за четвёртым отделением, и обстановку в нём докладываешь лично мне. Понял?

– Понял

– А ещё, ты должен следить за тем, чтобы санитары, идя на обход отделений, для больных четвёртого имели при себе концентрат препарата, а не его разбавленные дозы, и вообще. Чтобы они относились к санитарным обходам и медосмотрам этого отделения более тщательно и серьёзно. Понял меня?

– Да, слушаюсь! Но, в аптеке обеспечения провизор не даст мне концентрат препарата, – он даже 75% раствор для надзорной палаты отказался выдавать без распоряжения свыше!

– Даст. Я распоряжусь. Провизор, как и ты, выбран мною из больных и определён на этот высокий пост как выздоравливающий, так что. . . Иди, и попутно объяви в Ординаторской об общем консилиуме Заведующих отделений, у меня, через пять минут.

– Во имя Светлого Парацельса, слушаюсь!

И Старший Фельдшер Ординаторской пулей выбежал из кабинета, ощущая холодный пот вдоль своего позвоночника, который, тем не менее, был хорошим признаком для выздоравливающего, чудом спасённого от перевода обратно, в больные. . .

Консилиум, как и распорядился Витамин Вениаминыч, начался через четыре минуты с его гневного заявления:

– Солутанов, в рот твою карму голыми ногами!

– Я, коллега Заведующий!

– Да, ты, расквалифицирующийся стареющий недоврач, в курсе происходящего в твоём отделении!?

– Да, разумеется, держу руку на пульсе! Лечение идёт в запланированном порядке, с несерьёзными затруднениями, но в целом обстановка остаётся контролируемой и регрессивной!

– Да ни шприца ты не в курсе! По моей информации, вводимый препарат перестал действовать – ты прописал слишком слабые дозировки, и больные у тебя стали отлынивать от просмотра телепередач, некоторые стремятся увильнуть от обязательного ежедневного посещения Гильдии Магов (о чём информирует заместитель Алхимика) и чтения мантр, а иные даже распоряжаются магнитофоном, прослушивая на нём пиндосовскую музыку (да исцелит её Дух Парацельса), читают что-то и, самое страшное, – начинают уже думать! Что ты нам на это скажешь? Тебе же известно, что когда я был Заведующим четвёртого отделения этого, то изобрёл препарат и начал его применять на больных, – с тех пор минуло десять (!) удачных лет эксперимента; но тут появился ты, и уже четыре года в отделении – бардак!...

– Мне о таких ужасах неведомо, коллега! Это возмутительная неправда, происки шпионов пиндосии!

– Так, доктор Солутанов, у тебя месяц на исправление положения дел в отделении. Если не справишься – лишу учёной степени, и станешь простым фельдшером вне больниц НИИ, куда тебе доступ для практики будет закрыт! Четвёртое – отделение экстенсивной терапии – было и будет показательным и примерным в успехе эксперимента! Главврач и я решили в обозримой перспективе провести День Филиала, в который в праздничной обстановке планируется объявить об успехе эксперимента всему медицинскому сообществу. К тому же, по моей информации, из Всевышнего Управления НИИ намерены прислать к нам Тайных Агентов, и если они что-то нароют, то приедет целая Всевышняя Врачебная Комиссия, и тогда не только я перестану нести честь звания Доцента, но и вы все упадёте со мною, в лучшем случае, санитарами в амбулаторию! Это, надеюсь, всем ясно?! Тогда, бегом, немедленно за работу! И чтоб ни одного мыслящего больного не осталось! Лично проверю, клизмы вам в жопы!

Заведующий четвёртым отделением, особым отделением экстенсивной терапии, средний врач Солутанов Ахтесандр Ляксеич бежал через больничный двор в свою вотчину.

Он, действительно, потрясающе мало знал о происходящем в его отделении (и это имело место не по злому умыслу или незнанию «Положения О Выздоровлении» и множества инструкций к нему, включая устные трактовки, а по причине природного добродушия и мягкости Ахтесандра Ляксеича, тщательно им скрывааемых даже от любимой жены – почётной медсестры полноценного общества, никогда не бывавшей не только в амбулаториях, но и тем более в НИИ, а ответственной сотрудницы профилактической поликлиники).

Он всецело полагался на ненавидимого им, но назначенного лично самим Доцентом, Заведующим Кафедрой парапсихологии, Старшего фельдшера отделения – Кобытова Ляксея, – редкую опухоль, надо заметить (по мнению самого Солутанова), но – человека Доцента, тем не менее...

Тем не менее, он бежал, а если честно сказать, то почти переходил на бег через широкий и длинный больничный двор (плац), окружённый трёх-метровой высоты успокоительными решётками отделений, по которому ежедневно, перед ежевечерней процедурой по карточкам по своим отделениям нестройными нервным строем из хоззоны проходили больные. Проходили они под самую строевую (из всех существующих) мелодию гимна выздоравливающих – «Утомлённое Солнце», исполняемую оркестром трубадуров из психо-части, игра которого более напоминала, на самом деле, вой бездомной псины, нежели музыку. Ну а сейчас

эти колонны не шли, занятые в хоззоне больные ещё находились там, но очень хорошо была слышна оркестровая труба, репетировавшая исполнение этой мелодии.

Он «бежал» более для виду, что он весьма озабочен заданием и самими словами Доктора, так как и сам Заведующий Кафедрой мог следить за ним из окна своего, так и всякий прочий мог тому сообщить о его теперешнем поведении в столь ответственный момент, а не потому, что эти вещи его действительно заботили.

В его случае ларчик просто открывался: в погребе своего частного дома, доставшегося ему от предков, он нашёл бутылки с прозрачной жидкостью. Водка. Это была водка. Тут же нашлись и сигареты, применение которым он обнаружил сразу – после второго глотка из бутылки. Бутылок было много, как и сигарет, и он перестал принимать препарат – прозрачный напиток устранил тягу к нему, и заполнил вакуум душевной пустоты... Поначалу он наивно полагал, что его приметит за этим грехом жена, но он ошибся: ей неведом был запах ни того, ни другого перегара, и она совсем ничего не обнаружила. Так пошло и далее ежедневно, и по несколько раз на дню, и он, сперва испугавшись, совершил великое для себя открытие, что начал – мыслить и подозревать, что медицина, вероятнее всего, заблуждается, заявляя, что несёт радость здоровья всем людям нашей страны...

Так и началось тайное грехопадение Заведующего четвёртым отделением экстенсивной терапии, среднего врача Солутанова Ахтесандра Ляксеича.

Тем же временем, пока Заведующий четвёртым отделением экстенсивной терапии, средний врач Солутанов «бежал» в своё это отделение, Доктор Кафедры парапсихологии принимал у себя пришедшего по его вызову Агента Кафедры, доктора неотложной медицины, Старшего уполномоченного по сложным патологиям Че Серхея Енадьевича. Тот, войдя в просторный кабинет, предназначенный изначально для проведения консилиумов и оборудованный длинным общим прямоугольным столом, представился по надлежащей форме доклада, добавив к ней: «Весь во внимании, коллега!»

– Сергей Енадьевич, уважаемый коллега! У вас цепкий взор и превосходная врачебная хватка – вы лучше всех остальных выявляете больных среди выздоравливающих, а потому я пригласил именно вас для очень ответственного дела, угодного самому Парацельсу и Верховному Главврачу!

– Я готов!

– В четвёртом отделении крайне нестабильная ситуация. Солутанов – неуч, и не может справиться с больными! А они где-то достали магнитофон, литературу и, похоже, под влиянием этих заразных вещей начали думать. Такое положение дел ставит под угрозу успех нашего эксперимента, и ввиду этого приказываю:

Взять под пристальное наблюдение всех пациентов четвёртого отделения, включая всех выздоравливающих, проводить комплексный ежедневный медосмотр, включая тайный, выявлять по итогам мероприятий больных с явными признаками обострения, каковых незамедлительно изолировать в надзорную палату, вводить им максимальные дозировки концентрированного препарата, привлекая к участию в их излечении на данной стадии ведомство Алхимика в лице его заместника. Для выполнения задачи вам надлежит получить у провизора аптеки обеспечения «баян» (огромный многоразовый шприц) и концентрат препарата. Задача вам ясна? Готовы выполнить?

– Готов! Разрешите приступить!?

– Так точно, приступайте!

Солутанов, человек немного грузный, поднимался по лестнице своего отделения на второй этаж (на первом этаже здания размещалось третье отделение, и вход в него был с другой стороны, четвёртому же достался второй этаж и немного подвала). От быстрого шага по двору и от, собственно, самой лестницы, он слегка вспотел (и невдомёк ему было, что это выходит из его организма вчерашняя бутылка водки, выпитая вечером в подвале, тайком, из горла).

Он услышал привычный крик дежурного фельдшера: «Внимание, отделение!», и, махнув ему рукой, как словно на шприц послал, проследовал молча в свой кабинет, соседствовавший с кабинетом Старшего фельдшера, но не бывший столь холодным зимой (из-за наличия батарей центрального отопления) и не столь тёмным (из-за исправных ламп освещения). Старший фельдшер тут же вошёл за ним следом.

– Что-нибудь принести? Чай?

– Нет. Пригласи ко мне больного Хренина через пять минут

– Понял, сделаю!

Заведующий четвёртым отделением (особым отделением экстенсивной терапии – а это очень много значило!), средний врач Солутанов Ахтесандр Ляксеич взял со стеллажа историю болезни Хренина, и в десятый, а то и в пятидесятый раз (он не считал) приступил к её беглому изучению... Так, мед училище, мед институт, Филиал лёгкой терапии, должность Старшего бригадира патологоанатомической бригады, досрочная выписка, самогон, книги, подозрение в связях с пиндосами, экстенсивная терапия... Очень тяжёлый, хронический больной... Пока он листал, дверь отворилась, и вошёл сам Хренин – молодой человек, младше Солутанова на много.

– Больной Хренин Серый по вашему вызову прибыл!

– Заходи, присаживайся.

– Есть!

– Так, мне сообщили, что ты не читаешь мантры в Гильдии Магов, что ты отлыниваешь от просмотра телевизора под предлогом заседания в ватерклозете, и что ваша банда – ты, Вячек Собакин, Мытя Мотылини и Ваха Кондарик, – где-то раздобыли магнитофон и включаете пиндосовскую музыку в подвале отделения!? Это правда?

– Враньё! Да простит лжецов Светлый Парацельс, – полное враньё! Мы ни шприца не делали, и ни компресса не видели, а что такое: «магнитофон» – так, я вообще не знаю!

– Лжёшь. На выписку хочешь досрочную? Не выйдет!

– Выйдет.

– У тебя же две надзорных палаты?! Какая досрочная выписка?

– Самая обычная, досрочная выписка, – прикинуться дебилом, то есть, извините, выздоравливающим, так это запросто!

– Ты же знаешь, что как бы хорошо ты не прикидывался, но всё будет зависеть от моего слова!

– Знаю, но это не важно: не очень-то тебя слушает Доцент – у тебя бардак в отделении, препарат не действует, Старший фельдшер – идиот, и к Алхимику почти никто не обращается...

– Достаточно! Слышишь, достаточно! Сам Доцент приказал мне навести порядок и расширил для этого мои полномочия, и теперь, когда у меня есть поддержка и власть отправлять вас сразу в надзорку, я разберусь быстро! Уж я разберусь!... (и занёс, было, кулак над столешницей, но сразу опустил его).

– Давно бухать-то начал, Солутанов? И не тарашь на меня свои телячьи зенки, жирный неуч! Ты пьёшь водку. Ты где-то достал очень неплохую водку и пьёшь её регулярно... Но, это

ладно. Хватит себя успокаивать истерическими воплями: нихрена ты порядок не наведёшь, выгонит тебя Витамин к занюханым патрульным санитарам да в старшие подручные младшего алхимика Гильдии Магов низшего уровня! Не ори, алкаш, – а то Корыто тухлое услышит! И радуйся, что я тебя больше...

Сказать, что Солутанов был слегка ошеломлён, – это вообще ничего не сказать. В продолжение повисшей тридцатисекундной паузы в его голове образовался хаос из живых картинок употребления им алкоголя, курения, шприцов, баяна, препарата, марширующего в кормоцех отделения, жены в белом халате и усатого, серого, худого и морщинистого лица Доцента Кафедры парапсихологии, что-то наставительно говорившего без звука... Сглотнув слюну, моргнув и почесав затылок очень шустро кончиками пальцев Солутанов выдал:

– Ну!...

– Капельницу гну!

Когда-то, довольно-таки давно, а в масштабах истории – недавно, человеческое общество было неустроенным, неудобным, раздраемым внутренними противоречиями сборищем людей разных занятий, привычек, увлечений и так далее. Разделённое на классы, слои, профессиональные сферы, национальности и народы одних стран общество имело противоречивые, едва ли не хаотические взаимоотношения с обществами других стран, где, в общем-то, происходило всё то же самое, но всё-таки что-то отличающееся от других стран и их обществ. Противоречия во взаимодействии не только между обществами разных стран, но и между классами, слоями общества одной страны приводили к кровопролитным и, бывало, затяжным конфликтам – войнам. Войны, впрочем, как и хаос внутренних противоречий между людьми вообще, никому не нравились, за редким исключением фанатичных вояк, пропагандистов и производителей всех и всяческих вооружений и простых, так сказать, обывателей-склочников и домашних тиранов.

Научно-технический прогресс, взявший своё начало в сфере производства вооружений, необходимых для войн, достиг однажды столь высокого уровня, что учёные пришли к выводу: вся неустроенность мира людей, весь хаос, споры, военные конфликты происходят по причине болезней и недугов тела, затмевающих разум, и, самое главное, заболеваний душевных. Врачи, с воодушевлением принявшие данную аксиому, принялись всеми силами, не жалея себя, лечить людей, достигнув невиданных ранее положительных результатов в этом благом деле, в связи с чем с почётом включились в процесс управления обществом и вошли в структуры такого управления во всех странах мира, именуемые государствами. Нельзя сказать, что у врачей не было противников: они были. Главными их противниками стали к тому славному времени почти утратившие своё былое значение Алхимики, вместе с тем не только не отрицавшие научно-врачебную аксиому о корне всех бед человеческих, но издревле утверждавшие, в принципе, то же самое: корень всех бед – в болезни душевной. Как ни громки и отчаянны, настойчивы и угрожающе выглядели возражения алхимиков против науки, но без давно уже запрещённой во всём мире инквизиции служители магии оказались бессильны, и бесконечное чтение мантр и стучание лбом по полу не сокрушило стремительное развитие медицины... Научные мужи же, на очередном консилиуме, объявили аксиому догмой и постановили прекратить всякое дальнейшее обсуждение и без того совершенных, идеальных и очевидных выводов, дабы пустыми спорами не вносить тень раздора в ряды сплочённых в борьбе медиков!

Обществом теперь управляло не государство с его чиновниками, полицией и армией, а Организация Здравоохранения, во главе с Верховным Главврачом и Верховным Консилиумом.

Шли годы, забылись войны, революции и бунты, уличные драки и ссоры в кабаках и барах (кстати, сами заведения, где продавали спиртное, также давно уже перестали существовать: не было спиртного – его производство было прекращено, все остатки продукции уничтожены, а самодельное изготовление влекло за собой принудительное лечение в многочисленных Филиалах НИИ Головного мозга, имевшем следующую структуру: Всевышнее Управление, которому подчинялись Управления Округов, а тем – уже конкретные Клиники, Филиалы и Спец-Клиники). Прекратились ссоры с соседями и в семьях. Не стало никаких споров, а обсуждения методов и средств лечения, применяемых к конкретным больным в конкретных случаях спорами, по сути, не являлись, как и любые обсуждения, например, телепередач или исполнителей ролей в кинофильмах, театрах. Практически все люди оказались задействованы так или иначе в процессе общественного оздоровления: в детском саду играли только во врачей, в школах преподавались знания, пригодные в основном для мед училищ и мед университетов. Те люди, кто был здоров, но не смог полноценно усвоить медицинскую науку, становились в сельской местности – крестьянами, в городах – рабочими фабрик медицинских приборов, средств и лекарств, и даже водители и курьеры не могли обойтись без аттестата о знаниях основ медицины, чтобы противодействовать распространению любой инфекции и уметь распознать всякого, кто заболел душой, и сообщить о нём в скорую медицинскую помощь. Те же, кто был признан выздоровевшими и досрочно выписан из научно-исследовательского института, не могли надеяться на иное трудоустройство кроме как крестьянами или подсобниками обслуживающих медтехнику мастеров. Нужно заметить, что особой разницы в оплате труда крестьянина, подсобника, мастера, кухарки, акушерки или главврача горбольницы не было, ибо оплата производилась только талонами на рецепты на получение готовой пищи в столовых (пищу нельзя готовить самостоятельно, так как для этого требуются специальные медицинские знания и навыки, и нельзя хранить более суток полученную – испортится, и меню подбирается каждому индивидуально по назначению участкового диетолога). Деньги давно исчезли из обращения – это пережиток веков заблуждения.

Разумеется, вначале происходили отдельные вспышки протестов против, например, запрета на употребление и производство алкосодержащей продукции, но они были разрозненными, редко приобретали массовый характер и быстро подавлялись решительными действиями бригад санитаров неотложной помощи, применявших смирительные рубашки и инъекции успокоительных лекарств. Постепенно из оборота исчезла не медицинская литература, кинофильмы не о медицине – они провоцировали дурные мысли, сеяли сомнения относительно истинности аксиомы врачей, хоть прямо её и не оспаривая, но рисуя какую-то иную жизнь, где не было больных, а с врачами особо не считались.

Уцелела и магия. Постепенно Алхимиков перестали массово лечить, остатки эзотерической литературы не только сохранили, но и немного растиражировали. Однако, постепенно закрылись почти все отрасли некогда могучей промышленности, так как они совсем не служили интересам медицины, а произведённых ими некогда товаров и машин хватало и так с избытком. Известно, что каким-то чудом уцелели некоторые электростанции (былые их мощности не требовались, но электричество всё равно выло необходимо), и с некоторым успехом их работу даже удавалось обеспечивать. В этой точке научно-технический прогресс остановился. Он был не нужен нигде: не было прежних устремлений, амбиций, споров и конфликтов, не осталось потребностей, которые удовлетворял этот самый прогресс своими достижениями.

Казалось, наука и в медицине достигла своего пика, и следует только удерживать эту высоту, исцеляя больных известными и уже традиционными методами и средствами.

Но, изобретение Ширкова стало настоящим, неподдельным прорывом в медицине! Дело в том, что до этого изобретения лекарства, известные ещё с давних времён и превосходно себя зарекомендовавшие, имели существенный недостаток. Притом, что традиционные лекарства устраняли негативные мысли, успокаивали буйных пациентов, а при постоянном и системати-

ческом применении полностью исцеляли, они вместе с тем прекращали всякую мыслительную деятельность головного мозга пациента и очень часто, особенно, при длительном применении вызывали паралич нервной системы. Короче говоря, человек превращался просто в бессмысленное живое тело. Некоторое время живое. Спустя это некоторое, непродолжительное время, тело и вовсе умирало. Такое воздействие старых препаратов дало ещё один неожиданный эффект: искажённое человеческое сознание исказило имена людей, названия некоторых предметов, вещей, топонимов и тому подобное.

Новый препарат в данном отношении оказывал просто чудесное, словно микстура из легенд о Парацельсе, замученном инквизицией передовом Алхимике-еретике, признанным впоследствии Святым, избирательное воздействие на мозг пациента, уничтожая вредные мысли. Пациент тем самым, принимая препарат, мог осознанно выполнять физическую работу, понимал и усваивал информацию, чётко выполнял указания, мог жить, одним словом, полноценной жизнью здорового человека. Примечательно, что данный препарат не оказывал негативного воздействия и на репродуктивную функцию пациентов, что подтверждалось лабораторными исследованиями и клиническими наблюдениями. Разумеется, внутри закрытого периметра Девятнадцатого Филиала содержались только мужчины, но примыкал к периметру также закрытый женский стационар мягкой терапии, и пациенты разных полов друг с другом не встречались. Закономерно, что среди мужчин появились «пидарасы», а среди женщин – «ковырялки» (а некоторых женщин, по многочисленным слухам, «обслуживал» частенько один санитар). Такого рода взаимоотношения, в том числе и пациенток с санитаром, согласно «Положению О Выздоровлении» подлежали немедленному пресечению, а пациенты – изоляции в надзорную палату до устранения симптомов, но в порядке эксперимента, негласно, на это закрывали глаза, когда эти взаимоотношения совсем уж не выплывали на поверхность всеобщего обозрения. Это был тоже огромный плюс нового лекарства: люди должны рождаться.

Открытие Ширкова сделало его, простого Заведующего четвёртым отделением Филиала НИИ Головного мозга, Доцентом по этому случаю открытой Кафедры парапсихологии в этом же Филиале, получившем имя Парацельса в название. Не обошла стороной благодарности и само четвёртое отделение – ему присвоено название отделения экстенсивной терапии. Почему Ширков не стал главврачом, ведь, казалось бы, он смог бы более полно на этой должности руководить экспериментом по внедрению своего препарата? А потому, что у главврача, как это не странно звучит, слишком много хозяйственно-медицинских забот!

Шёл уже пятнадцатый год успешного эксперимента.

Утративший дар речи Солутанов, словно сжимаясь внутри себя самого, приготовился слушать дальше, а Хренин тихо продолжил:

– Что, досталось тебе от Витамина на катетеры? Ничего страшного, могло быть гораздо хуже, знай он запах перегара и пота утреннего алкаша. Где водку-то нашёл, отступник и предатель догмы аксиомы? Впрочем, это не важно. Важно, что положение твоё сложное, но не безвыходное, и это значит, что и наши дела поправимы к лучшему... Что конкретно Доцент требовал? Больше класть в надзорки за всю херню?

– Да, именно, и я...

– Да ты неуч! Лучше послушай меня сюда, раз сам ещё не додумался. Чем больше ты изолируешь пациентов в надзорку – тем хуже показатели по результатам проводимой тобой профилактики, тем ты, соответственно, более профессионально непригоден!

– А что же мне ещё делать!? Даже Корытов – и тот всё докладывает Доктору, хотя должен мне помогать! И не только он... Уверен, что докладывают очень многие, если не все!

– Старший фельдшер на то в отделение и поставлен самим Витамином, чтоб доносить на тебя. Неужели ты думаешь, что Доценту реально интересно, чем каждый из нас занимается? Нет, конечно. Ему важно, чтобы показатели по эксперименту были положительные, а как их добиться – он и сам не знает, потому как фармаколог он больше, нежели терапевт!

– Ну, а мне-то что делать? Не могу же я, в самом деле, не реагировать ни на что и только положительную динамику в историях отмечать! Корыто же настучит, и другие тоже сообщат....

Тем временем, пока шёл этот разговор шёпотом в кабинете, к калитке четвертого отделения экстенсивной терапии подбежал дежурный Секции Дезинфекции и Гигиены (СДиГ) карантинной зоны (как официально именовали внутренний периметр Филиала) и запыхавшимся голосом передал младшему фельдшеру отделения, что Доцент Кафедры парапсихологии срочно вызывает к себе Старшего фельдшера отделения. Не прошло и двух минут, как Корытов выбежал из калитки успокоительной решётки участка своего отделения на больничный двор в направлении главного корпуса. Прошёл через калитку решётки Ординаторской почти бегом, где его записал в журнал Ассистент Дежурного Ассистента Главврача Филиала, выбежал в другую калитку, ведущую в участок санчасти.

Тут важно заметить, что карантинная зона была вытянута на четыреста метров в виде прямоугольника с юга на север (где заканчивалась на вершине холма). Она была объединена общим периметром с хоззоной, соединяясь с ней восточной стороной через «нейтральную» зону, где стоял двух-этажный Надзорный корпус, и «внизу», на юге с санчастью, протяжённостью триста метров вдоль основания карантинной зоны. В санчасти размещался Главный корпус, класс ОБ и приёмный покой. Санчасть также огорожена от остальных зон заборами и решетками, а снаружи – общим периметром. В точке соединения трёх зон и санчасти располагалась Ординаторская, так что пройти из одной части в какую-либо другую можно было только через неё. В хоззоне, сразу возле Ординаторской, имелись шлюзовые ворота для въезда и выезда санитарных машин, привозивших и увозивших больных, а на самой этой территории, вытянувшейся на восток на целый километр и «снизу вверх» на пол-километра (соответственно сумме длины карантинной зоны и ширины санчасти), находились полу-разрушенные и почти не разрушенные бывшие производственные здания, часть которых в самой дальней стороне занимало единственное «серьёзное» производство – звероферма. Общий периметр представлял собой прямоугольник на холме, протянувшийся с запада на восток, окружённый тремя рядами заборов, два из которых были из колючей проволоки, а центральный – бетонным. Меж заборами проходили дорожки, на которых иногда можно было увидеть старую собаку, которую пинками подгонял «гулять» санитар, и самих санитаров с ружьями, направлявшихся к сторожевым вышкам, расставленным по углам периметра и через каждые двести пятьдесят метров бетонного забора. Со стороны санчасти к общему периметру примыкало женское отделение мягкой терапии. Каменные бараки отделений выстроены были поперёк длины карантинной зоны, прижатые к западной стороне торцами и отделённые с этой стороны от колючего забора дополнительным бетонным. На самой вершине холма, после барачков, стоял Гигиено-прачечный комбинат (с дез-душевыми, цирюльней, швеем, сапожником и вещевым складом). Параллельно баракам, «внизу», находился в санчасти Главный корпус, а перпендикулярно им, в их же карантинной зоне стояли кормоцех и психо-часть. Надзорный корпус, одиноко вытянутый в своём окружении успокоительных решёток, уныло «смотрел» всей протяжённостью на тылы кормоцеца и психо-части, из которой на эту сторону выходила всего одна дверь – вход в Гильдию Магов (точнее, в одно из великого множества её Отделений по всей стране), из которого во внешний мир иногда выползал, с вечно согнутыми спиной и ногами в коленях, лысый уродец в новенькой пижаме, с большим металлическим кулоном в виде костра со столбом, висевшим на его шее на такой же цепочке, – наместник Алхимика.

Разговор шёпотом в «родном» четвертом отделении продолжался:

– Тебе, прежде всего, не окунать самого себя в грязь: не отправляй никого и ни за что в надзорную палату!

– А как не отправлять!?! Корыто и его шайка полу-больных фельдшеров принесут мне кучу докладных записок каждый день, как всегда, и едва ли не на всех в отделении!

– Элементарно! Что-то действительно серьёзное Старший фельдшер тебе не принесёт. Это он отправит прямо к Доценту. Нечто из ряда вон выходящее его фельдшера незамедлительно сообщат в Ординаторскую, откуда тотчас прибежит наряд санитаров. Учитывая, что подобные вещи случаются не так часто, как ворох докладных перед тобой, то ты можешь вызывать лично каждого нарушителя, как вызвал сейчас меня, и проводить профилактические процедуры персонально, заносая положительные их результаты в истории болезни.

– Ну, шприц с ним, ладно, – оживился любопытством Солутанов, – а в Гильдию Магов мне их как загнать? Мантры самому там за всё отделение читать или этого дебильного очкарика-наместника Алхимика Усть-Пиздюйского и Херищенского, который тут уже 20 с лишним лет выздоравливает после изнасилования, удушения и съедения соседской девочки профилактической беседой, стоя на коленях перед этим экскрементом, убеждать, что мои больные к нему ходили?! Да ни за что, в зад ему кушетку, утку в рот!

– Тих, тихо, ты не ори, давай! Его самого сварить бы, гада, в котле, да жрать не станешь – это да... Но, наместник, тем не менее... Короче, делаешь так: проводишь персональные профилактические процедуры по докладным, записываешь в истории, что больной также изъявил желание пойти в Гильдию (больной подписывает – он не откажется, в обмен на отмену надзорки, так как никто не хочет лежать несколько суток связанным, а потом сидеть там же развязанным уже). Вот и всё!

– А с телевизором как быть? Ваша банда его не смотрит, остальные, глядя на вас, тоже отлынивают!

– Тут ты прав: не смотрим. Нам также более чем известно, что остальные на нас смотрят, а не в телевизор. Больше скажу тебе: часто, едва обронив в массе больных слово-другое в нужный момент, а то и просто подходящий звук, мимику, жест мы вызываем в товарищах по несчастью сомнения, будим их разум.

– Зачем? Вы же не дураки, хоть и псих-больные?!

– Затем, пьянь гидролизная, что Корыто нам спокойно жить мешает, и нужно его отсюда убрать, и нет вернее способа достичь этой цели, чем обнаруживать его профнепригодность перед всеми.

– Но это же удары по мне! Меня уберёте!

– Какой ты трудный... И зачем, как думаешь, я с тобой вообще говорю? Да чтоб ты и остался, а осёл со своей шайкой был отправлен туда, где ему самое место: в дезинфекторы!

– В дезинфекторах же почти одни пидарасы! Корыто не пидарас! Как же!?! В дезинфекторы кормоцеха, что-ли, его продвигаете!?! Так ему за счастье!

– Переживёт без кормоцеха. Будет полу-пидарасом, ничего страшного! Или содомитом – нам всё равно. Всё когда-то бывает впервые. В общем, ты нас не видишь, но делаешь, как я сказал, со всеми, не исключая нас. Корыто мы берём на себя и спасение твоего халата тоже. Просто не мешай. Хорошо?

– Договорились. А как же с телевизором, в...

– Не кипишуй, успокойся. Дома окурки прячь как следует. И бутылки пустые (или в какой таре ты водку нашёл) – в них твоё палево. Как-нибудь расскажу тебе пару полезных примочек за бухло. Не скучай, и в историю пиши, давай! И работай, работай уже – у тебя кипа докладных за всякий порожняк: кто руки неправильно помыл, кто кишечник опорожнял не по уставу, кто брился не вовремя и глаз не закрыл после отбоя, врач ты средний...

Серый вышел во внутренний участок отделения и присел на лавочку в тени забора, где к нему присоединился Старший Фельдшер Ординаторской.

– Меня Витамин вызывал. Орал. У него паника – комиссии сверху боится.

– Правильно делает: у него причин хватает. Сделал всё?

– Да, Серый, как ты сказал, я собрал четыре сайки хлеба из остатков от пайки санитаров за три дня. Он же испортился...

– Нам и нужен испорченный. Короче, этот конструктор, строго по сайкам разберёшь по отдельным пакетам. Каждую собранную сайку, её мякоть, смочишь сиропом из воды и того сахара. Пакеты замотаешь, и в тёплое тёмное место их.

– Весь сахар в этот сироп вгροхать?

– Соловей, не будь дураком! Пару ложек на кружку кипятка. Остальной пока припречь...

Наша радость, что хоть и пьют санитары настоящий краснодырский чай, но ценности сахара не знают!

– А точно, получится? Я же никогда этого не делал!

– Не ссы, всё будет в лучшую энцефалограмму, Соловей! Лети, пока наряды на санитарный обход пошли!

Соловей вышел с участка отделения, толкнув входившего Кори́то левым локтем поддых (как-бы случайно):

– Ты чего, осёл, не подослеп слегка!?

– Извини, тороплюсь!

– Дебил!

– Я стараюсь, Соловей! На благо Филиала и лично Доцента!

– Давай, иглу не поломай...

Асфальт и бетон карантинной зоны (а ничего в ней больше под ногами не было, даже клочка земли, кучки пыли в углу забора или случайно занесённого обжигающим степным ветром из-за нескольких заборов сухого листка с редких, растущих там, кустов, какие местные почему-то зовут лесом) ближе к обеду раскалялся, словно плавясь. Возможно, плавилось даже не это древнее покрытие, а сами подошвы старых, давно изношенных форменных ботинок больного, в которых трое умерло. А может, десять умерло. Или всего двое. Не важно, сколько из них выписалось либо померло народу, но стопы ног Хренина словно жгло огнём. Тень от бетонного забора, отделявшего санчасть, проходившего напротив каменного двухэтажного барака четвёртого отделения, идущего параллельно всей длине барака и, собственно, фактически и образующего внутренний участок отделения, мало помогала от жары. Забор был тоже раскалён лучами того утомлённого Светила, о каком так отвратительно пыталась играть оркестровая труба в психо-части. Рядом присели Мотылины и Вячек.

– Ну?

– Да нормально всё, Мытя, делаем!

– Он послушал? Он сделает? – спросил Вячек.

– Да, говорю же, нормально всё. Нам надо ему подыграть и Кори́то сбивать самим как-то...

– А Соловей чего хотел?

– Счастья исцеления – чего ж ещё, Мотыль?! Не спрашивай херню. Что надо, за то и говорили, тебя не касается.

– А как коснётся?

– Тогда и узнаешь.

В этот момент из барака вышел Солутанов и, даже не взглянув на троицу больных у забора, важно поплёлся в сторону Ординаторской по раскалённому плацу. Дежурный фельдшер орал на втором этаже отделения, стоя ногами на старой, едва живой, прикроватной тумбочке, установленной в середине коридора как его рабочий стол: «Коооорм! Коооорм!»

Отделение, выстроившись в колонну по пять на плацу за успокоительной решёткой, соединявшей тот самый забор с баракком, относительно бодро и не в ногу побрело на обед в здание кормоцеха.

Одноэтажное, вмещавшее человек триста пятьдесят пациентов, одновременно принимающих корм за столами на 10 человек, размещавшихся по 5 на лавках друг напротив друга, было хоть и одноэтажным, но не маленьким. Повсюду на стенах были развешаны огромные плакаты с подробными инструкциями и иллюстрациями: «Как правильно принимать корм», регламентирующими весь процесс от входа в кормоцех и до выхода из него.

Глядя на асфальт возле этого здания, совсем не сложно было понять, по каким именно маршрутам-направлениям туда-сюда ходят люди как с центрального его входа, так и с подсобных: поверх асфальтового покрытия по этим маршрутам образовалось ещё одно: из толстого слоя жира, естественно, тёмно-чёрного цвета. Жирные эти «тропы» на асфальте, впрочем, как и всё вокруг, воняли помоями, обильно покрывались мухами, не покрываясь в дождь водой, и всегда были скользкими. Кучка почти всех Заведующих отделениями стояла рядом с главным входом, живо обсуждая вопрос, как им убедить Главврача в этом году выдать им серой краски для ремонта стен отделений, и как её поделить. Пара санитаров стояла от них чуть в стороне. Всем этим медикам полагалось во время приёма корма не просто находиться здесь, обсуждая насущные терапевтические и хозяйственно-медицинские вопросы, но бдительно, прежде всего, следить за тем, чтобы ни один пациент не вынес из здания даже корки хлеба.

Корм выезжал из маленького квадратного окошка на алюминиевых подносах, в алюминиевых мисках, по транспортёрной ленте. Транспортёрная лента отличалась той же чистотой, что и жирный асфальт снаружи. Её так же любили мухи. Миски и подносы внутри чёрными от грязного жира не были – жир был чистым, зато эта утварь была безжалостно покрыта рубцами и вмятинами – дезинфекторы кормоцеха, после ополаскивания посуды в дез-растворе (горячая вода) в ванне, ожесточённо обстукивали её обо всё металлическое и каменное из интерьера дез-помещения, что под руку попало, перед накидыванием её на передвижной стеллаж.

Медицина, всё-таки, была для людей, и невзрачная на вид посуда кормоцеха Филиала выезжала по транспортёру одинаковая и для Старших фельдшеров, и для младших дезинфекторов, и для больных, и для выздоравливающих, и даже для самого Руководителя СДиГ Филиала, активно выздоравливающего в двенадцатый раз Ваши Сасильца, а к тому же, выгодно отличалась от собачьей миски старой немецкой овчарки, жившей в ветхой конуре возле Ординаторской, – собачья миска была стальной, эмалированной, не помятой, без рубцов и жирового покрытия. Пациент – не собака!

Да, пациент – не собака, всё необходимое – пациентам! Пациенты получали хлеб только первого сорта, а вот санитары дежурной смены, заступавшие на сутки, и даже Дежурный Ассистент Главврача, их непосредственный руководитель, – второго сорта. Пищу для них готовили тут же, но не такую наваристую и насыщенную полезными жирами, и им не позволялось принимать её вместе с больными, им её приносил Старший Фельдшер Ординаторской в специальных металлических контейнерах на второй этаж Ординаторской (где была кухня, кладовая, маленькая столовая, балкон и комната отдыха с устаревшими, одноярусными койками), и даже

диетический чайный напиток и компот с ароматом сухофруктов (очень полезный для здоровья, говорят) им не полагался.

Мотылини, Вячек, Хренин и Кондарик расселись друг напротив друга, как обычно, за самым дальним от входа столом у окна. Набрасываться на миски никто не торопился, так как их содержимое представляло собой кипяток, и принимая во внимание ручьями стекавший по лицу каждого из них пот, неторопливость была вполне объяснима, хотя жрать и хотелось. Все принялись отделять хлебную мякоть, прилипавшую к пальцам как хороший клей-герметик прежнего мира, и Серый нарушил тишину:

– Вот какого аминазина они не пекут нормальный хлеб!?! Вячек, может, ты знаешь, ведь ты же был когда-то Старшим кормоцеха в Двадцать четвёртом Филиале?

– У меня так хлеб не пекли, а делали его на опаре. Здесь не умеют. Дрожжи и сахар в котлы засыпает санитарка Ординаторской в присутствии Дежурного Ассистента Главврача или его Ассистента, да ещё пары санитаров смены, и пекарь сразу же, размешав, раскладывает тесто в формы и отправляет их в печь под высокую температуру. Тесто не успевает подняться, а хлеб пропекается только снаружи. Интересно другое: второго сорта, из белой муки, хлеб он так же делает?... Не умеют они хлеб печь. Или не хотят.

– В смысле, не хотят? Всё ж для пациента! – почти возмутился Мотыль.

– Для экскремента! Вот, смотри: в двух мисках мутная жижа-кипяток. В одной из них – кипяток с шелухой, и если его слегка побеспокоить веслом, то со дна поднимутся признаки какой-то крупы. Это второе блюдо. В миске с первым блюдом то же самое, но нет шелухи и есть куски варёного сала. Третье блюдо, напиток, и он в такой же миске – это компот со вкусом сухофруктов и признаками сахара в своём составе, и тоже очень горячий. Времени на приём корма у нас мало, поэтому, мы не съедим и по половине своей пайки жирного кипятка, бросив в остатки и несъедобную хлебную мякоть. Многие, не как мы, и им плевать на жару, пот, кипяток, мух, но и они не съедят всё, а особенно, сало. Сало в таком количестве просто губительно, и если сахар и соль – белая смерть, то оно...

– Вячек, тише, уже седьмое отделение заходит – народу много, – вставил Кондарик, но тот не унимался, хоть и сбавил тон:

– Дезинфекторы столовой собирают объедки в баки и ванны на колёсах, и со служебного входа эти помой вывозят в хоззону рабочие зверофермы на корм свиньям. Мы – всего-навсего промежуточное звено в пищевой цепочке свиней и круговороте их же сала в природе.

Немного поковыряв вёслами в мисках, съев корки хлеба с солью, которую Кондарик тайком вытащил из-под стола, все четверо, взмокшие насквозь, отхлебнув из мятых мисок полезного компота, понесли свои подносы с остатками корма на транспортёр для грязной посуды, которую он быстро увозил в шумный цех дезинфекции, откуда грохот отбиваемых мисок распространялся на весь кормоцех, смешиваясь с бурными похвалами кипятку, заботе Главврача и Светлого Парацельса, а также довольным рычаньем-чавканьем горбушечников (тех пациентов, кто всеми способами стремился схватить с транспортёра раздачи поднос с горбушкой хлеба, то пропуская других вперёд себя в очереди, то напролом отчаянно бросаясь к заветному куску). Все четверо вымыли вёсла в специальной дез-раковине на выходе, и направились строиться на улицу, ожидая всех остальных для возвращения в отделение. Стоявший в общей кучке Заведующих Заместитель Главврача по духовной терапии обратился явно к Мотылини:

– Ну как!?

– Корм отменный, долбить его – одно удовольствие!

Помойная вонь. Мухи. Пот. Почти расплавленный асфальт под Неутомимым Солнцем. Промежуточное звено, досадное недоразумение эволюции, тем не менее позволяющее сви-

ням, не убивая, жрать друг друга, не опровергавшее сейчас ни Дарвина (о каком вообще мало кто слышал), ни Солнца, всей постепенно растущей толпой просто очень хотело попасть в тень. Высшая ступень эволюции равна промежуточному звену, и значит, разум – это безумие. Во всяком случае, любой человек старины в высшем разумении, задумавшем происходившее в Девятнадцатом Филиале, нашёл бы только безумие. Конечно, только безумие, ведь Филиал – это больница для безумных.

Отделение расселось в процедурной психокоррекции по древним и неудобным лавкам без спинок, приготовившись к просмотру телевизора (свет уже должны были дать), но дежурный фельдшер его ещё не включил, хотя всего через несколько минут начнутся «Вести медицины», а затем детективный сериал «Врачебные войны». Кобыто пришёл и встал рядом с чёрным экраном.

– Больные, меня сегодня Витамин Вениаминыч вызывал. Он очень недоволен: у нас в отделении 115 пациентов, и постоянно 10—12 из них находятся в надзорной палате. Это бардак. Он сказал, что мы плохо работаем, а значит, мы будем на каждого составлять докладные.

– А сейчас не на каждого, что-ли!?

– Сейчас, Кондарик, мы ещё на многое закрываем глаза, но больше не будем. Вот. И с этого момента запрещены все замены! Теперь каждый, по графику дежурства, проводит дезинфекцию в помещении отделения, которое выпало ему на этот день, сам. Пидарасов и прочих вместо себя на дезинфекцию отправлять нельзя. Нельзя и вместо себя в наряд кормоцеха. А ещё (это от Главврача), в порядке хозработ, по «Положению О Выздоровлении», несколько раз в неделю будем отправлять бригады (график составим) в хоззону. Главврач за это обещал нам краски для ремонта отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.